

Сессия «Электоральная»

**Федоров Валерий Валерьевич, Генеральный директор ВЦИОМ,
модератор сессии**

Коллеги, мы начинаем сессию, посвященную электоральным и политическим исследованиям. Предоставляю слово Владимиру Васильевичу Петухову, руководителю Центра комплексных социальных исследований Института социологии РАН, заместителю председателя Научного совета ВЦИОМ. Тема выступления: «Демократия участия и динамика политических установок россиян».

**Владимир Васильевич Петухов - руководитель Центра
комплексных социальных исследований Института социологии РАН**

Учитывая специфику нашего сегодняшнего заседания, в большей степени связанного с электоральными сюжетами, я немного изменил тему своего выступления. Начну с того, что в двухчасовых новостях на радиостанции «Эхо Москвы» были обнародованы результаты последнего электорального опроса ВЦИОМ, связанного с возможными политическими предпочтениями россиян в связи с предстоящими выборами в Государственную Думу, с краткими комментариями Валерия Валерьевича и видных политиков, представлявших разные политические партии, прежде всего Лебедева от ЛДПР и Левичева от «Справедливой России». На меня пахнуло 1990-ми, я надеялся, что подобных интерпретаций электоральных исследований уже никогда не будет, а звучит вся та же заезженная пластинка: социологи некорректно проводят исследования, эти результаты не соответствуют реальной расстановке политических сил, у

них есть свои политические предпочтения и т.д. И это притом, что последние три или четыре избирательные кампании показали, что предварительные прогнозы, сформулированные крупнейшими социологическими центрами, в том числе и ВЦИОМом, практически полностью совпадают с результатами реальных выборов. Но сильнее всего меня удивило заявление Валерия Федорова по поводу предстоящей явки. По данным ВЦИОМ, эта цифра прогнозируется на уровне 50%, а многолетний опыт наших исследований говорит о том, что реальная явка всегда ниже заявленной, так же как и уровень протестной активности всегда ниже декларируемого. Можно уверенно заявить: если бы выборы состоялись в ближайшее воскресенье, как мы спрашиваем в опросниках, эта явка была бы на уровне не более 35–40%. А это на самом деле очень тревожный симптом: потеря у россиян интереса к политике и выборам как к способу институционализации власти. Понятно, что по ходу выборной кампании начнется «политический разогрев», понятно, что будут использованы технологии, с помощью которых интерес к выборам возрастет, и явка наверняка превысит 50%, а может быть, и даже 60%. Но в реальности мы имеем потерю интереса к выборным процедурам среди значительной части населения.

Теперь, приступая к основной части своего выступления, я хотел бы очень кратко остановиться на трех моментах. Во-первых, мы должны исходить из того, что выборы, как и все институты демократии, по мере развития общества трансформируются, чему мы были свидетелями на протяжении последних 20 лет. Если, скажем, в первые несколько лет после ликвидации СССР выборы вызывали неподдельный интерес и энтузиазм у населения (вы, конечно, помните эти годы), то постепенно выборы превратились в политическую рутину, что, на мой взгляд, очень хорошо, потому что выборы становятся некоторым элементом

повседневности, представляют норму, без которой общество уже немыслимо. Сегодня вряд ли найдется человек, который сказал бы, что нам надо вернуться к той ситуации, которая была 30–40 лет назад. Но трансформация выборов в политическую рутину имеет и обратную сторону: теряется некоторый интерес, тем более что выборы перестали быть игрой с открытым финалом. Мне кажется, одна из фундаментальных проблем, с которой мы сталкиваемся в исследованиях и на практике, — то, что в значительной степени с помощью нашего законодательства нарушен базовый принцип, суть которого сформулировал Пшеворский. Неопределенность результатов при определенных правилах игры. Иначе говоря, выборы являются действенным институтом, когда их результаты непредсказуемы, но условия и правила как-то определены и на протяжении некоторого времени неизменны.

Опыт стран переходного типа, к которым относится и Россия, говорит о том, что эти правила обычно утрясаются к третьему циклу выборной кампании. У нас же грядут шестые выборы в парламент и пятые выборы президента. Если с президентом более или менее понятно, то выборы в парламент каждый раз проводят по новым правилам. Меняются если не все, то значительное их число. Иначе говоря, каждую выборную кампанию мы начинаем с нуля. И это, конечно, несколько дезориентирует население: бесконечные новации, то блоки можно, то нельзя, то только партии, то нужны какие-то другие формирования, то смешанные системы, то только мажоритарные, то только пропорциональные. Какие-то бесконечные метания. Надо все же поставить точку и на протяжении нескольких избирательных кампаний проводить выборы по одним и тем же правилам, даже понимая все несовершенство избирательной практики. Иначе жить невозможно. Тем более что многие новации вызывают недоумение, а самое большое недоумение, как мне кажется, вызывают новации,

связанные с отменой порога явки, потому что она отсекает самую активную и дееспособную часть электората — молодежь. Им открытым текстом говорят: «Ребята, сидите дома, ваш голос не важен, сколько придет, столько и придет». В результате власть, декларирующая курс на модернизацию, фактически получает социальную базу в лице тех групп и слоев населения, которые, мягко говоря, к этой модернизации относятся весьма критично, а те, кто мог бы ее поддержать, на выборы не ходят. Вот такая ситуация.

Еще мне хотелось бы обсудить вопрос, связанный со снижением интереса к политике в целом. Здесь мы должны исходить из некоего концепта, что выборы как институт нельзя рассматривать вне динамики и трансформации всей политической системы. Было бы странно, если бы сохранялся интерес к выборам в условиях, когда падает доверие к политическим партиям как институту, к парламенту как институту. Мне кажется, если как-то менять эту ситуацию, то надо рассматривать ее в контексте демократии участия, понимать, что, кроме выборов, существуют и другие формы общественной и политической самоорганизации граждан, а некоторые из них в самом ближайшем будущем будут играть заметно большую роль, чем традиционные институты. Во всяком случае, на протяжении десятка лет в западной литературе, да и в нашей тоже, прослеживается мысль, что институты, сформированные в конце позапрошлого века, переживают серьезный кризис и уже не способны реагировать на новые вызовы времени, и прежде всего это относится к профсоюзам и политическим партиям.

Мы можем оказаться в сложной ситуации, когда всю политику и политическое участие с помощью законодательных мер будут запихивать в эту сферу выражения общественных интересов: политикой могут

заниматься только партии, политика может осуществляться только с помощью выборов, а все остальные - свободны.

И последнее, по поводу мотивации участия. Наши исследования показывают, что здесь тоже есть серьезные проблемы и серьезные изменения. Понятно, что с помощью того инструментария, которым мы обладаем, в головы к людям не влезешь и полностью мотивацию не определишь, но можно зафиксировать какие-то тренды. И что мы видим: все меньше и меньше в числе мотивов называют выбор политических предпочтений к той или иной партии или кандидату. Масса других причин: гражданский долг, привычка всегда ходить на выборы и т.д. А доля респондентов, называющих политические предпочтения, когда мы задаем вопросы о мотивациях к выборам, составляет всего четверть всех опрошенных. О чем это говорит? О том, что постепенно меняется структура этой легитимации. Грубо говоря, люди выбирают начальников безотносительно их политического окраса, и, как писал коллега Кертман, для большинства все, кто в парламенте — уже начальники. КПРФ, «Единая Россия», ЛДПР, а настоящая оппозиция — те, кто на улице. А это крайне опасно, когда дифференциации начинают вот так осуществляться в рамках политического выбора. Действительно, какая разница за кого голосовать в данном случае? Главное, чтобы в стране была власть, чтобы был какой-то порядок, стабильность, а кто правит — вопрос десятый.

Еще хуже обстоит дело с мотивацией тех, кто не участвует в выборах. Люди уходят от ответа на этот вопрос, находят какие-то обтекаемые формулировки типа «все равно мой голос ничего не значит», «ходи, не ходи — все равно на власть не повлияешь» и т.д. Мне кажется, что эта категория людей охватывает чуть ли не половину населения страны, и они представляют значительный политический и исследовательский интерес. Все-таки надо составить социальный портрет этих людей, понять кто они,

что из себя представляют, и как нужно изменить ситуацию, чтобы разочаровавшиеся пришли к пониманию важности и нужности участия в выборах разных органов власти страны. Спасибо.

Ф. В. Спасибо Владимир Владимирович за острое, но концептуальное выступление. Следующим выступает Кертман Григорий Львович, заведующий аналитическим отделом фонда «Общественное мнение», человек, который в этой уважаемой организации непосредственно занимается политическим прогнозированием.

Кертман Григорий Львович - заведующий аналитическим отделом ФОМ, старший научный сотрудник Института сравнительной политологии РАН

Сегодня я не буду говорить о прогнозировании. Тему выступления мне подсказала только что прочитанная книга Валерия Федорова «Русский выбор», центральная идея которой заключается в том, что в путинское десятилетие в России реанимировался плебисцитарный выбор как основная базовая модель электорального поведения, конкурентная модель ушла в прошлое, что справедливо как тренд.

Действительно, на мой взгляд, электоральные выборы сегодня гораздо в большей степени осуществляются с плебисцитарной логикой, абсолютно органичной для традиционной авторитарной российской

политической культуры, нежели на основании конкурентной мотивации. Правда, конкурентная мотивация полностью исчезнуть не может, потому что, когда мы говорим о плебисцитарной логике, речь идет вот о чем. Избиратель воспринимает выборы как некий ритуал, нужный, прежде всего, власти, а не ему, как ритуал легитимации власти, участие в котором является гражданским долгом подданного, называющего себя гражданином. В свое время на фокус-группах у нас этот подход явно звучал, когда респондент говорил: «Как же я не пойду на выборы, если я получаю пенсию. Мой долг поддержать ту власть, которая платит мне пенсию».

Усиление этой плебисцитарной составляющей в электоральном выборе проявляется по-разному. Стареет электорат партии власти. Стареет ощутимо, на глазах. Для старшего поколения, поколения советского эти модели были органичны, но это то, что на поверхности. Падает интерес к политике, об этом справедливо говорят, однако реальная явка на выборы не уменьшается. От одних региональных выборов к другим трендов к снижению явки нет. Зачастую мы, занимаясь прогнозированием, рассуждаем на первый взгляд безупречно: если в каком-то регионе или городе реально нет конкуренции, нет борьбы, ситуация спокойна до предела, люди не следят за новостями и т.д., то наверняка явка будет низкой. В последнее время мы перестали на основании такой логики снижать прогнозируемые показатели явки и все чаще оказываемся правы. Я бы сказал, чем менее активна политическая борьба в регионе, тем больше явка. Это признак того, что ритуальное плебисцитарное голосование, психологически комфортное, привычное, знакомое, становится все более значимым. Я не буду подробно рассказывать, с помощью каких инструментов получены эти очень приблизительные цифры. Где-то за пару недель до прошедших

региональных выборов, этой осенью, около 40% избирателей были ориентированы на голосование по плебисцитарному типу. И приблизительно 20–25% заведомо отказались от этого способа электорального выбора. Они, еще не зная или точно зная, за кого проголосуют, были настроены выбирать из ряда альтернатив по конкурентной модели. Почти вдвое больше тех, кто заранее был настроен либо голосовать за партию власти, либо какая-то небольшая часть этих плебисцитарно настроенных избирателей была готова проголосовать против, в порядке инфантильного протеста (испортить бюллетени и т.д.). Конкурентная составляющая полностью не исчезнет по очень простой причине: на любых выборах существует графа для выражения доверия партии власти, но нет графы для выражения недоверия. Если 4–5 партий участвуют в выборах, то человек, не готовый выразить власти доверие, вынужден переходить на конкурентную логику выбора. В этом смысле ситуация однозначна: полная победа ритуального голосования советского образца невозможна.

Естественно, усиление плебисцитарной модели электорального поведения чрезвычайно выгодно партии власти, если мы говорим о федеральных выборах. Партия власти апеллирует к этой модели, все меньше предъявляет обществу некий проект развития, меньше раздает обещания и больше демонстрирует успешность своей работы и игнорирует оппонентов. С кем реально полемизирует власть на федеральных выборах? Только с теми, кто ей равен, то есть с другой системой власти — с «проклятым прошлым». Так было и в советские времена. У нас есть два проклятых прошлых: одно из них коммунистическое, представленное на электоральном поле компартией. Конечно, можно не замечать компартию, но демонстрировать отличия сегодняшней системы от прошлой, тогда коммунисты помогают

воспроизводству контрастов в публичном пространстве. Можно демонизировать 1990-е гг. и тем самым дистанцироваться от прошлого. Все участники политической борьбы, кроме нее самой, так или иначе позиционируются партией власти как пережитки того или иного проклятого прошлого, с которыми можно не разговаривать или разговаривать с той социальной реальностью, которая стоит за ними, то есть за образами прошлого. Все это сильно повышает электоральные показатели партии власти. Безусловно, на выборах гораздо проще работать с плебисцитарной логикой бинарного выбора, нежели находиться на площадке, где присутствуют 4–5–7 изначально равных игроков, но перенос логики плебисцитарного поведения на региональный уровень, что и происходит в последнее время, по-моему, связан с целым рядом рисков. Партия власти все больше и больше проникается духом восприятия выборов как плебисцита: иррациональный страх набрать на выборах городского уровня меньше 50% лично я не могу объяснить ничем иначе, как тем, что в сознании политтехнологов и, может быть, руководителей «Единой России» каждые выборы рассматриваются как плебисцит, где решается вопрос о доверии. Если мы получаем 49% — нам выразили недоверие, а если 51% — в общем, нам доверяют. Распространение подобной логики чрезвычайно опасно. Опасно по ряду причин. Во-первых, какие-то поражения неизбежны. Плебисцитарную логику федеральных выборов в какой-то мере можно перенести на региональный уровень. Например, в Белгородской области народ доволен и жизнью, и властью, и всем на свете. Это благополучная, успешная область. В Костромской области, где люди жизнью не довольны, но довольны властью, власть — авторитет. Но это совершенно невозможно в Кировской области или еще в каком-то депрессивном регионе. Если трактовать выборы в законодательное собрание или муниципалитет в соответствующем регионе как плебисцит, это очень невыгодно и самой партии власти. Цена

ошибки возрастает неимоверно. Если поражение — не просто локально проигранная схватка в большой войне, а тотальное, моральное поражение, возникает соблазн добиваться победы любой ценой.

За последние годы мы видели не один такой случай. Самый яркий пример — знаменитые иркутские выборы, когда страх перед локальным поражением толкал партию власти на действия, дискредитирующие сам институт выборов и в конечном подрывающие основы доверия к ней же.

В связи с этим предстоящий федерально-избирательный цикл, во время которого будут происходить многие региональные выборы, представляется мне довольно опасным периодом. Ясно, что на федеральном уровне власть будет апеллировать именно к плебисцитарному механизму электорального выбора. Ясно, что структуры партии власти достигают корней травы. Если логика апелляции к избирателю с просьбой о выражении абсолютного доверия будет распространена на выборы любого типа, любого уровня, это создаст избыточное непредсказуемое напряжение и будет способствовать дискредитации института выборов. Как развести эти две логики, как добиться того, чтобы хотя бы локальные выборы воспринимались как выборы конкурентные, где необходимо полемизировать со всеми оппонентами, где необходимо выдвигать проекты и противопоставлять их с проектами оппонентов? Как совместить эту логику на региональном уровне с плебисцитарной логикой на федеральном? Я не знаю. Но я знаю, что если эта необходимость не будет осознана значительной частью политического класса, нас ждет довольно рискованный поворот сюжета. Спасибо.

Ф.В. Спасибо, Григорий Львович, в том числе и за рекламу моей книги. Представляю вашему вниманию Евгения Копатько, руководителя Research and Branding Group, нашего коллегу из Украины.

Копатько Евгений Эдуардович, руководитель Research and Branding Group (R&B Group, Украина)

Спасибо, уважаемые коллеги. Приведу результаты последних местных выборов, они касаются областных советов. Примерно такая же ситуация сложилась и в городских советах. Кто и что выиграл? «Партия регионов» практически полностью везде победила. Конечно, можно говорить о том, что явка была существенно ниже, а это не свойственно Украине (голосовали меньше 50% избирателей). По мнению многих, партия «оранжевых» потерпела тотальное поражение. Следует сказать, что в трех регионах Западной Украины победила «Свобода». Наверное, многие коллеги не слышали или не говорили об их политических возможностях, но это не неожиданность. В 2008 г. эта политическая сила уже однажды победила в Тернополе на досрочных местных выборах. И сейчас они просто закрепили свой успех в районах Галиции. Там они очень существенно, практически полностью нивелировали позиции Тимошенко.

Закарпатская область всегда голосовала особым образом. На этих выборах победила партия Виктора Балоги, «Единый центр», но практически вровень с ней «пришла» «Партия регионов».

И это еще не все. Вот несколько фактов для сравнения. У нас разброс по участию партий в голосовании был в разы. Условно говоря, минимальное участие партий - порядка 15. Это в областные и городские советы. Максимальное — больше 40 партий в списке. Вы представляете,

какая была простыня, сантиметров 80, а ее нужно было заполнить, посчитать и засунуть в избирательную урну.

Победили регионы. Это создает партии власти и новые возможности, и большие риски. Если раньше Тимошенко или Ющенко называли виновных, сейчас партия власти полностью взяла ответственность на себя, поэтому если события будут развиваться негативно, для них могут наступить тяжелые последствия.

Выиграл Арсений Яценюк, он немного обошел Сергея Тигибко (они боролись за 3–4-е место в первом туре президентских выборов). Сергей Тигибко формально ассоциируется с властью, но его электоральная позиция, ожидания были выше, а результат существенно ниже. Прошли коммунисты, особенно в юго-восточных регионах Украины, и, как я уже сказал, локальный уровень и успех — это партия «Свобода».

Какие последствия нас ждут? Уже пошли слухи, что Украина весной 2011 г. будет готовиться к досрочным парламентским выборам, потому что, придя к власти, Янукович отменил политреформу, введенную в 2004 г., но, как говорят аналитики и я с ними согласен - Боливар не вынесет 10-ю избирательную кампанию или 10-й тур голосований за последние 6 лет и возьмет тайм-аут. Возможно, выборы состоятся осенью 2012-го...

Теперь о мотивах голосования. Получилось, что Украина, за исключением консолидированных регионов, голосовала не столько «за», сколько «против». Можно выделить такие области, как Донецкая, Луганская, Запорожская и АРК, где был очень большой процент регионалов, и Львов, Тернополь, Ивано-Франковск, которые не сопоставимы по населению. Тем не менее сейчас такая контрастность нарушена по той причине, что мы впервые за несколько лет наблюдаем

некую электоральную диффузию, то есть идет взаимопроникновение разных политических проектов на тех территориях, где ортодоксально или жестко держали позицию те или иные силы.

И еще я хотел бы обратить внимание на следующее. То, чего нет в России, может быть, в других государствах постсоветского пространства. У нас более чем в 10 регионах победили локальные проекты. Что это значит? Что политические партии или движения, которые выдвигаются только, предположим, в Херсонской, Винницкой, Черкасской, Полтавской или Тернопольской области, которые прошли в парламент, в некоторых случаях, как, например, в Полтаве, получили большинство. Не партия власти получила большинство, а местная партия собрала более 30% голосов. Такая пестрая политическая палитра свидетельствует о том, что мы пока не вышли из той политической нестабильности, в которой находились и, как говорили Игорь Вениаминович и Валерий Валерьевич, обращаясь к международным проектам, доверие к институтам власти на Украине по сравнению со всеми странами СНГ крайне низкое. К примеру, доверие институту президентства достигает 3%, Верховному Совету — 4%, Кабинету Министров — 7%. Сейчас этот показатель увеличился в разы, условно говоря 20, 30 и 35%, но он не дотягивает даже до скромных показателей некоторых азиатских стран или европейских государств постсоветского пространства. Поэтому резюмируя все вышесказанное, сейчас политическая перспектива такова: у власти впервые за всю историю независимой Украины появилась возможность создать полную вертикаль власти. Нет видимого конфликта между президентом, парламентом и Кабинетом Министров. На всей территории Украины остается открытым один вопрос: сумеет ли власть воспользоваться этими возможностями. Власть, полученная Ющенко в 2004 г., давала отнюдь не меньше возможностей плюс международную поддержку, но они провалили

ситуацию по всем фронтам, о чем свидетельствовали президентские выборы 2010 г. и октябрьские местные выборы. У любой власти есть возможность войти, а не вступить в историю. Поэтому сейчас выбор за ныне действующей властью. Пока карту Украины серьезно перекроили, насколько эти позиции будут прочными, покажет время. Спасибо.

Ф.В. Мелани Салли, профессор, вице-президент Института парламентаризма и демократии, Вена, Австрия. Ольга Коменчук, директор по коммуникациям ВЦИОМ будет ассистировать и переводить на русский язык.

Мелани Салли

Добрый день. Благодарю за внимание и возможность присутствовать на этом собрании, где мы сможем обменяться мнениями и поучаствовать в дискуссии между научным сообществом и практиками. Со времен изобретения тайного голосования изучение общественного мнения приобрело особое звучание. По моему мнению, изучать данное явление стали (на примере британского опыта) где-то с середины XIX в. Вспомните события Крымской войны, взаимоотношения между Россией и Великобританией. В этот период общественное мнение ярко заявило о себе: немало людей высказывалось против военных действий. Наверное, к этому же периоду относится начало ведения политических электоральных кампаний, именно в этот период личность политическая зарождается как таковая. Я хотела бы привести в качестве примера случай, когда некий британский политик (а в то время, я хочу подчеркнуть это, иметь свою фотографию было все равно, что обладать Твиттером, Фейсбуком и другими социальными сетями), раздавал свои фотографии с автографом и

таким образом вел свою политическую кампанию. Тогда это была инновация.

Теперь позвольте пару слов об Австрии. Я представляю два государства. Британка по рождению, я сейчас живу в Австрии. Когда я в 1970-е гг. приехала в Австрию, там почти не говорили о необходимости изучения общественного мнения в политическом смысле. Все знали, что есть Бруно Крейски, которого выберут и снова выберут, все было предсказуемо. А сейчас в Австрии встает вопрос предсказуемости или, точнее, непредсказуемости.

В этом году в Австрии прошли президентские выборы, за которыми наблюдала и ОБСЕ. И среди основных тенденций, которые отмечают не только политологи, но и международные наблюдатели, я бы выделила две. Достаточно высокий уровень доверия политической системе в целом, но крайне низкий уровень доверия политикам как таковым. И даже в ходе последних выборов достаточно активно обсуждался вопрос о том, чтобы запретить опросы общественного мнения и их публикацию в предвыборный период.

Этот вопрос обсуждался не только в повседневных разговорах, в нашем парламенте прошли слушания о запрете использования данных общественных опросов и проведения опросов, посвященных электоральной тематике, в предвыборный период. Но все партии, принимавшие участие в слушании, единогласно решили не вводить данный запрет, поскольку он противоречит Европейской хартии по правам человека, в частности ее 10-й статье.

Основной довод, который приводили сторонники данного запрета — публикация такой информации определенным образом влияет на позицию населения, электората и не просто влияет, но манипулирует населением.

Проблема, как вы понимаете, заключается в том, что информирование людей о результатах тех или иных опросов общественного мнения в период избирательной кампании и во время выборов может повлиять на их выбор. Особенность австрийской ситуации в том, что у нас проживает всего 8 миллионов человек, наши избирательные участки закрываются в разное время. Для России это привычная ситуация.

Безусловно, ко времени закрытия участков большинство политиков и журналистов, работающих на них, имеют представление о том, как прошли выборы. Но есть определенная договоренность, что до завершения выборов эту информацию нельзя предавать огласке.

Несколько слов о ситуации в Великобритании. У нас, как и в Австрии, картина абсолютно поменялась. В настоящий момент нет традиционной двухпартийной системы, мы также наблюдаем потерю политического доверия. Один из наших партнеров — институт Хансарда — провел в Великобритании исследование, посвященное проблемам имиджа политика. По результатам этого исследования мы увидели, что образ британского политика имеет ужасающие очертания и окраску. Это одна из самых непопулярных профессий — практически никто из опрошенных британцев не хотел, чтобы их дочь вышла замуж за политика. Люди не хотят иметь с английскими политиками ничего общего.

Пару слов о развитии исследований. В 1992 г. возникла весьма любопытная ситуация: исследователи оскандалились в своих прогнозах результатов выборов. Их ошибка составляла 8%.

Безусловно, социологи задались вопросами, как это произошло, и чем можно объяснить эту ситуацию. Главный аргумент, выдвинутый учеными, заключался в том, что респонденты постыдились признаться в том, что собираются голосовать за консерваторов. Одна из идей, возникшая в тот

момент среди британских социологов, — перед новыми выборами задавать вопрос о том, как люди голосовали на прошлых. Оказалось, что очень многие не помнят, за кого они голосовали. Но сейчас британские ученые используют ответы на этот вопрос при прогнозе дальнейших выборов.

Что касается последних парламентских выборов в Великобритании, большинство известных социологических центров достаточно точно спрогнозировали результаты выборов. Хотя все они использовали разные методики и подходы (конечно, возникает проблема сравнения данных).

В заключение я хотела бы коснуться результатов исследований другого существующего у нас института — Yougov. Он специализируется на электронных опросах общественного мнения, связанного с электоральной тематикой.

Этот институт сейчас очень активно продвигает именно Интернет-исследования. В Великобритании это возможно, поскольку уровень проникновения Интернета превышает 60%, но большая проблема с мобильными телефонами. Сейчас мобильные телефоны есть даже у детей дошкольного возраста. Проводишь телефонный опрос — и попадешь на 5-летнего ребенка! Спасибо.

Ф.В. Спасибо Мелани. Для наших политиков есть хорошая новость: образ британских политиков в глазах их избирателей ужасен. Ион Касьянович Жигэу, руководитель компании СБС из Молдовы расскажет нам об особенностях электоральной ситуации и ее динамике в этой очень близкой нам республике. Совсем недавно в Молдове прошел референдум, посвященный изменениям в Конституции. Решение принято не было и

совсем скоро, через три недели, пройдут парламентские выборы, о ходе которых коллега Жигэу, я надеюсь, нам тоже расскажет.

Ион Касьянович Жигэу, руководитель компании CBS-AXA Ltd (Gallup International), Молдавия

Добрый день, уважаемые коллеги!

28 ноября у нас пройдут парламентские выборы, которые мы проводим уже второй год: в прошлом году 2 раза было голосование и 2 раза мы проводили экзит-полл. Об одном из них я хочу рассказать. Состояние последнего экзит-полла поможет частично спрогнозировать будущий результат.

29 июля последний экзит-полл проводили на 200 избирательных участках (заполнено 18 000 анкет). Вообще-то говоря, мы построили выборку так, чтобы опросить на каждом избирательном участке хотя бы 100 респондентов, чтобы уменьшить дисперсию внутри участка, потому что было представлено много мелких партий. На первом экзит-полле, в 2005 г., у нас было около 20% отказов. На апрельском, после которого были разгромлены парламент и президентура, — 16% отказов, а в июле — только 12%. Народ начинает привыкать и уже сотрудничает с социологами.

Кратко скажу о результатах последнего исследования. Участвовало чуть больше женщин, чем мужчин, и представителей среднего возраста, чем в среднем по населению. В основном респонденты — люди с высшим образованием. Немного об этническом происхождении. Для нас это важно, потому что одна из партий опирается на этнические меньшинства, так

называемые русскоговорящие, их у нас примерно 20% и, как правило, они голосуют за коммунистическую партию. Распределение 29 июля было примерно таким же, как и по переписи. То есть пропорционально участвовали все.

Чем же интересен экзит-полл 29 июля? У нас распределение город–село — 40% на 60%. И 5 апреля было такое же распределение. Партия коммунистов, правящая в тот момент, назначила выборы на рабочий день, на среду, надеясь, что будет участвовать меньше трудоспособных избирателей. Как правило, за них единогласно голосуют пенсионеры, которые обязательно ходят на выборы, и консолидированные этнические меньшинства. Коммунисты считали, что выигрыш у них в кармане, и надеялись, что получат 70 мандатов. (Для избрания президента необходим 61 мандат.) В апреле у них было 60 мандатов — всего одного не хватило. Поэтому конституционный и политический кризис продолжается до сих пор.

Но коммунисты просчитались — на выборы 29 июля было слишком много надежды. Антикоммунистический город более активно участвовал в голосовании, и чаша весов склонилась совсем в другую сторону.

А теперь небольшой анализ по характеристикам респондентов. Чем респондент старше, тем он более склонен голосовать за коммунистов, и молодежь, среди 18–20-летних за них голосовали только 27%.

Демпартия - это бывший спикер, он был спикером от коммунистов. Она более равномерно, чем другие, распределена и по возрастам, и по этническим меньшинствам, и по населению.

По образовательному уровню - за коммунистов равномерно распределены, кроме респондентов со средним профессиональным и высшим образованием, которые обычно голосуют за правые партии.

И наконец, по этническому происхождению. Раньше этнические меньшинства (русские, украинцы, болгары, гагаузы и др., всего около 20%) почти единодушно голосовали за коммунистическую партию. Среди респондентов-молдаван коммунистам отдали свои голоса только 32%, идентифицирующие себя как румыны — около 4%. В последнем опросе, проведенном нами с 22 по 30 октября, только 22% молдаван проголосовали за коммунистическую партию. По всей вероятности, коммунистам и в этот раз не хватит мандатов для избрания президента. Получится, что в Молдове останется коалиционное правительство. Но профиль электората, я выше уже говорил об этом, сейчас тоже сохранился, за исключением того, что теперь молдаване отдают свои голоса другим партиям, а этнические меньшинства немного сместились вправо.

У меня на графике представлены тренды за последние 2 года, рейтинг доверия политикам. Последняя точка с 22 по 30 октября. Пронин сохраняет свой рейтинг. После референдума 5 сентября рейтинги и Лупо, и Филата, бывшего спикера и нынешнего премьера, упали — народ не воспринял успех референдума как их проигрыш. Электоральный рейтинг основных партий - проходят 4 партии. Либеральная партия — это самая радикальная правая партия. И демократическая партия, и либерал-демократы по отношению к ней в антифазе, электорат все время перетекает из одной партии в другую. В электоральной социологии есть такое понятие — «блатизм». Поясню на примере. В вашем доме проходит воскресник, и все люди участвуют в нем. Лишь один жилец сидит на балконе и смотрит. Сам он не утруждается, но ему нравится, когда все

чисто и красиво. То же происходит с нашими демократами. Некоторым депутатам все равно, какие демократы выигрывают. Он, конечно, за демократию, но пока посидит на балконе. Я сейчас покажу вам еще два слайда, они проиллюстрируют международные связи Республики Молдова.

Господин Копатько показал некоторый разрыв, который проходит по границе 1939 г. Это линия разлома Хантингтона. Он немного ошибся — эта линия проходит не по вершинам Карпат, а по территории Молдовы, иногда даже через некоторые спальни и кухни.

Итак, какой выбор должна сделать Республика Молдова? И варианты ответов: «должна быть ближе к Западу и Европе» — 49%, «должна быть ближе к России» — 48%.

Следующий вопрос: «Если бы Вам предоставили выбор, чтобы вы предпочли?» Варианты ответов: «Республика Молдова должна быть независимой и стать членом ЕС» — 47% или «Республика Молдова должна быть независимой страной и остаться в СНГ» - 46%. В отличие от предыдущего вопроса не совсем корректно добавлено объединение с Румынией. Потому что вхождение в ЕС и объединение с Румынией частично совпадают. Но 3% избирателям даже Европа не нужна, им подавай объединение с Румынией. Это опять подтверждает тот же разрыв, о котором я говорил. Молдова разрывается между Западом и Востоком. Хотя, вероятнее всего, западники выигрывают: 5–6 мандатов решают судьбу Республики Молдова. И поскольку молодежь в основном голосует за правые партии, если она будет активной и если будет активно городское население, возможно, результат будет такой, который я сейчас предсказал, но кое-кто может остаться на балконе. Спасибо.

Ф.В. В рамках «Евразийского монитора» мы планировали следующую встречу провести в Кишиневе. Приедем и будем свидетелями ваших выборов.

Слово предоставляется Михаилу Юрьевичу Виноградову, президенту Фонда «Петербургская политика». Он представитель смежной профессии — не социолог, а политтехнолог, в некотором роде пользователь наших данных. Сегодня он, один из немногих, будет выступать от лица пользователей.

Михаил Юрьевич Виноградов, президент Фонда "Петербургская политика"

Спасибо большое. Организаторы просили меня выступить от политехнического сообщества и в то же время попытаться сделать выступление скорее полемичным, чем академичным. Для начала я предположу, что в последнее время отсутствует качественный рост спроса на данные исследований общественного мнения. Почему его нет у населения, понятно: если выборы только для власти, то и социологи — тоже только для власти. Что касается сообщества потребителей, например политтехнологов, на то есть несколько причин. Во-первых, и это главное, разрушаются критерии достоверности социологических данных, поскольку итоги выборов недостаточно убедительно верифицируют данные социологии, потому что падение доверия к официальным данным итогов выборов приобретает все более масштабный характер. Во-вторых, технологии социологических исследований (построение выборки, верификация данных и т.д.) все более успешно копируются самими технологами. А каких-то уникальных моделей социологи почти не предлагают, к тому же они редко ориентированы на рекомендации. А нам

нужно понимать, что делать с вашими цифрами, с этими данными, что они означают. А социологи в ответ: «Вы же у синоптиков после названных цифр не спрашиваете, брать зонт или нет?». Но поскольку технологам нужны рекомендации для выработки стратегии, практическая значимость социологических данных часто снижена. Что же может усилить аргументацию социологов в разговоре с технологами, и что можно скорректировать?

Во-первых, все-таки разъяснять причины возникающих трендов. В феврале-марте за 2–3 недели серьезно просел рейтинг партии «Единая Россия». Причин и вариантов было множество: холодная зима, рост тарифов ЖКХ, неудачная олимпиада, публичные дебаты партии. Но каких-то четких гипотез со стороны социологов не прозвучало, в основном гипотезы предлагали сообщества технологов.

Может быть, знание того, что происходит в разных территориях и возможность давать качественные оценки, сравнивающие поведение избирателей там, и является вашим конкурентным преимуществом. Но мы не слышим оценок в публичных выступлениях социологов.

А хочется больше понимать, например - как политическая реклама влияет на поведение людей. Людям свойственно думать, что реклама, в том числе политическая, на них не влияет, маркетологи уверены в обратном. Конечно, нам интересно, какая политическая реклама работает, какая цепляет, а какая нет.

Хотелось бы услышать гипотезы и тестирование их социологами. Почему, например, такие замечательные Медведев и Путин поддерживают ужасного Сердюкова или кого-то еще. Вы знаете, люди дают потрясающие ответы. Мне хотелось бы, чтобы их сбором и обработкой занимались именно социологи. Я ориентируюсь на те данные, которые публично

предъявляют социологические центры. Я периодически захожу на ваши сайты, и мне недостаточно этих оценок, возможно, на сайтах есть кусочки открытых вопросов или фокус-групп, но вы же можете популяризировать данные о том, что происходит в других странах, начиная от выборов в Калифорнии и кончая фиаско, которое социологи совсем недавно потерпели на выборах в Киргизии. Попытаться разобраться, в чем причина, очень полезно.

И еще. Сегодня уже говорилось о раздражении в отношении политики, о деполитизации в России. Вот тенденция роста недоверия к политикам, которая фиксируется в той же Великобритании — где ее политизация чисто российская, искусственно созданная с определенными и весьма понятными целями, а где это общемировой или общеевропейский, общий постсоветский тренд, который субъективно не связан с действиями тех или иных политических авторов?

И последняя спорная и провокационная идея как можно оживить интерес граждан к социологическим исследованиям и к выборному процессу. Я бы предложил подумать об отмене запрета на публикацию итогов экзит-поллов в день голосования. На самом деле все, кому надо, эти данные имеют, а реальная степень интриги в течение дня, степень мобилизации, степень интереса медиа к проведению голосования только бы выросла. Спасибо.

Комментарий из зала.

Спасибо, уважаемые политологи, технологи. Вы подсказали нам, как лучше делать социологию. Но хотелось бы напомнить опыт американцев - они нас не разделяют, социологи и технологи у них работают в тандеме.

Технологи не приступают к работе, пока не отработали социологи. Наш ответ на это замечание: у нас нет противоречия в работе с вами. На самом деле эффективность любой избирательной кампании меряется действиями, которые совершают: 1) кандидат, 2) команда и 3) тем, какие идеи предлагаются на локальном и государственном уровнях. Эффективность легко меряется и она востребована. Я по опыту Украины могу сказать, что пока мы особого противоречия между этими двумя цехами не видим, хотя, если идут подмена понятий и формирующие опросы, которые некие технологи выдают за технологию, это не есть хорошо. Спасибо.

Ф.В. Михаил, как и обещал, выступил провокационно, но вот что я хочу сказать в качестве справки. Доверие к результатам выборов не падает, все опросы показывают, что оно держится на одном и том же уровне. Теперь что касается Киргизии, в зале присутствует представитель киргизской социологической компании «М-Вектор», я думаю, он охотно объяснит вам, кто провалился, а кто нет и почему. А сейчас предоставляю слово Евгению Михайленко, советнику отдела избирательных технологий Управления электоральных процессов Департамента региональной работы аппарата ЦИК партии "Единая Россия"

Михайленко Евгений Константинович, советник отдела избирательных технологий Управления электоральных процессов Департамента региональной работы аппарата ЦИК партии "Единая Россия"

Я хочу поговорить об особенностях электоральных исследований на территориях Северного Кавказа, особенно на территории Северной Осетии.

Исследование по Северной Осетии было проведено в рамках конкурса Института общественного проектирования (конкурс 2009 г.). Все данные открыты, их можно скачать с сайта института.

Начну с особенностей электоральных исследований на Северном Кавказе как таковых. Проведение электоральных исследований на этих территориях имеет ряд методологических и содержательных особенностей. Например, количественные методы зачастую очень плохо работают в силу высокой доли социально одобряемых ответов. Особенно это проявляется при оценке действующих руководителей или выстраивании рейтинга политических партий. На Северном Кавказе необходимо комплексное исследование с обязательным использованием фокус-групп, глубинных интервью с избирателями и экспертных интервью. Хорошие результаты показывают наблюдения за процессом, но они требуют продолжительного проживания исследователя на территории, что бывает небезопасно. В силу того, что на Северном Кавказе сформировалось традиционное общество, хотя оно сейчас активно трансформируется, проведение надежных региональных исследований требует изучения социально-экономических, этнокультурных факторов, а также факторов межконфессиональных и межнациональных отношений. В этой связи при проведении электоральных исследований хорошие результаты дают исследования на стыке с антропологией и институциональной экономикой. Особенно это важно для Северного Кавказа. Значимым источником информации являются не только мнения экспертов, но и представителей различных национальных общественных организаций, диаспор, проживающих непосредственно на территории

Северного Кавказа или в других регионах, например в Москве. Обычно они не теряют связи со своей республикой и являются очень ценными информантами.

Важный фактор проведения исследования — количество национальностей и, соответственно, языков на территории. Например, для Республики Дагестан это важно при проведении опросов в сельской местности, где некоторые респонденты не владеют русским, что важно заранее учитывать при составлении опросников.

Еще одна важная особенность — национальность интервьюера. Мы со Степаном Львовым (ВЦИОМ) вместе запускали одно интересное исследование в ходе избирательного цикла осенью 2009 г. в Дербенте. У нас были два подрядчика: ставропольская компания (интервьюеры славянской внешности) и компания из Махачкалы (интервьюировали кавказцы). Так разница в результатах была просто катастрофичной. Основными кандидатами были действующий мэр Феликс Казиахмедов, а его оппонентом — уважаемый в республике человек имам Иралиев. По данным интервьюеров-дагестанцев, Казиахмедов получил 40%, Иралиев — 25%, а по данным ставропольцев — Казиахмедов 45% и Иралиев 41%. Мы соглашались с последними данными. Как вы помните, выборы тогда не состоялись, но социология результаты продемонстрировала.

В качестве комплексного исследования, проведенного на территории Северного Кавказа, приведу проект, посвященный социально-политической ситуации в Северной Осетии. Проект называется «Роль современных политических партий в обеспечении социальной стабильности Северо-Кавказского региона на примере республики Северная Осетия». Из всей очень интересной презентации я использую только 1 слайд, который касается электорального исследования.

В качестве основной гипотезы исследования выступило предположение о том, что фактор социальной стабильности является одним из ключевых факторов, определяющих электоральное поведение на территории Северо-Кавказской республики. В этой связи исследование было комплексным и содержательным. Исследовали не только партийно-политическую систему и электоральное поведение, но и социально-экономическую сферу, межконфессиональные и межнациональные отношения. Исследование проводили количественными методами и с помощью экспертных интервью, в том числе с экспертами Москвы и других регионов. Проводили глубинные интервью с избирателями, использовали контент-анализ Интернет-ресурсов и т.д.

Если говорить о политическом пространстве, лидером на нем является партия «Единая Россия». Если бы выборы в Госдуму состоялись в ближайшее воскресенье, за эту партию проголосовали бы 57,5% избирателей. В ходе опроса избирателям мы всегда стараемся задавать несколько вопросов о партийных предпочтениях, это всегда дает лучший результат. Обратите внимание на ответы на вопросы «Сторонником какой партии вы себя считаете?» и «За какие партии вы готовы проголосовать?». Если первый вопрос дает понимание об устойчивом электорате, то второй — понимание о так называемом электоральном потолке, или максимуме, на который можно подняться. Здесь есть некая особенность, отличающая результаты исследования республики Северного Кавказа от любого другого региона России. Доля устойчивого электората составляет 48,4%, что достаточно близко к электоральному рейтингу. Если в среднем взять регионы Российской Федерации, соотношение будет составлять примерно 1:2. Возьмем за средний рейтинг «Единой России» 50%, а за устойчивый электорат — от 20 до 30% в разных регионах, в среднем 25%, то есть половина.

Та же особенность: максимальный потолок достаточно близок к электоральному рейтингу, всего на 9% больше, хотя обычно в любом другом регионе РФ этот потолок на 15–20%, в некоторых случаях — на 25% выше электорального рейтинга.

Мы сейчас будем говорить о фактах, определяющих позиции политических партий в Северной Осетии. Эксперты указывают на существующие разногласия между первыми лицами Северо-Осетинской «Единой России», представляющие угрозу имиджу партии. Причем эта угроза сохраняется на сегодняшний день. Угроза партии как единой политической силе. Широко известно о соперничестве между действующим главой республики Мансуровым и депутатом Госдумы Фадзаевым — оно носит открытый характер и приводит к внутрипартийной конфронтации на выборах в муниципальные органы.

Отсутствие согласия в партийных рядах в республиках Северного Кавказа значительно опаснее, чем в других регионах России. Конфликты создают у избирателей ощущение нестабильности власти, а значит, и социальной нестабильности, возникают мысли, может быть, проголосовать за другую партию или не ходить на выборы. Таким образом, позиция партии «Единая Россия» в таких ситуациях становится более уязвимой для оппонентов, и возникают риски.

Голосование на федеральных выборах за партию власти воспринимается частью республики как демонстрация лояльности в обмен на финансовые вливания из центра. Эта ситуация тоже характерна для Северного Кавказа. Такая мотивация электорального выбора определяет устойчивость «Единой России» только при условии сохранения государственной дотации республиканского бюджета.

Еще одна особенность Северного Кавказа. Применение администрацией республики административного ресурса на выборах воспринимается гораздо спокойнее и практически не вызывает протестной реакции, как это случается в других регионах, например в Тамбовской или Костромской области. Ответственность за социально-экономическое развитие территории переносится на федеральный уровень, в том числе и на представители местных отделений «Единой России», которые ссылаются на дефицит средств: денег не хватает, поэтому республика развивается медленно и проблемы не решаются.

Характерной чертой избирательной кампании на территории Северной Осетии, и это же можно распространить на весь Северный Кавказ, является относительная чистота методов агитации. «Черные» технологии применяются довольно редко, что объясняется спецификой кавказского менталитета.

Так, например, представители «Единой России» заявляют о невозможности критиковать коммунистическую идеологию из-за уважения старших. Распространение компрометирующих материалов в адрес авторитетных жителей республики дает обратный эффект. Во-первых, они авторитетным лицам никак не вредят, а если источник обнаруживают, тот сильно теряет в глазах избирателей. В результате мы имеем отсутствие скандалов, связанных с именами общественно-политической элиты республики.

В числе критериев выбора кандидата приоритетное значение имеют личные качества. На Северном Кавказе это особенно выражено: уважаемые персоны во главе списка существенно улучшают позиции партии по результатам голосования.

Очень важный момент, характеризующий электоральное поведение избирателей, — высокая значимость фамильной принадлежности кандидата. Иерархия фамилий зачастую определяет выбор граждан, которые ориентируются не на конкретные достоинства человека из списка, а на заслуги его предков.

При проведении электоральных исследований на Северном Кавказе очень важно правильно выбрать подрядчика. Например, недавно мы проводили исследование в Кизляре. Посылая супервайзеров для контроля ситуации, нужно четко понимать, чьей сеткой интервьюеров мы пользуемся. В данном случае попали на сетку, которая находится в сфере влияния администрации города, естественно, вначале независимое исследование запустить не удалось, потом мы угли свои ошибки и перезапустили исследование. К нам стали поступать сканы заполненных анкет от депутатов городской думы, которые были заинтересованы в независимых данных, эти анкеты сотрудники администрации города разносили по квартирам. На Северном Кавказе доходит и до этого.

Ф.В. Евгений, спасибо. Евгений оканчивал технический факультет, но занимается социологическими исследованиями. А так как он работает в партии, эти исследования выкристаллизовываются в определенные решения, в том числе технологические.

Слово Владимиру Борисовичу Звоновскому, президенту Фонда социальных исследований из Самары.

Звоновский Владимир Борисович, президент Фонда социальных исследований (Самара)

Поскольку коллега Кертман уже рассказал о смене конкурентной модели голосования на плебисцитарную и о том, что прогнозирование электорального результата уже теряет смысл, единственная задача прогнозирования, которая остается, — это электоральная активность. Чем мы и занимались.

Одно из таких исследований мы проводили в конце 2008 г. Известно, что в самом прогнозировании активность — одна из важнейших задач, а максимально точное прогнозирование доли пришедших на выборы критично для электоральных исследований и очень важно в некоторых случаях. Во-первых, для двухтурового голосования, определения, состоится ли второй тур и кто в него вышел, во-вторых, когда между двумя кандидатами идет острая борьба и, в-третьих, когда небольшое изменение активности приводит к изменению электорального результата, а это в свою очередь — к изменению состава законодательного собрания. При прогнозировании электоральной активности обычно используют три основных источника данных: электоральную статистику, на основе которой прогнозируют результат, отзывы респондентов об их участии в предыдущих выборах и заявленную респондентом готовность участвовать в предстоящих выборах. Совмещают ли эти три источника или используют каждый по отдельности - определяет ситуация. В 2008 г. нам удалось получить доступ к данным об официально зарегистрированном участии наших респондентов, тех, которые участвовали в опросе и от которых мы уже получили данные о заявленной и об отчетной готовности. Опрос был проведен перед выборами, после выборов, а затем данные, сообщенные

ими, мы верифицировали на основе данных избирательных комиссий. Кратко о результатах — их всего 4.

Первое - какая доля респондентов участвует в наших опросах, говорит о готовности голосовать, но при этом они проживают не по месту опроса. Иначе говоря, в качестве респондента они участвовали в одной точке города, а в качестве избирателя — зарегистрированы в другой. Этот факт очень важен, он влияет на результаты, на активность избирателей. Итак, более трети опрошенных респондентов не голосуют по тому жительства, где были опрошены. В ранее выполненных исследованиях, когда респондентам задавали, в том числе и прямой, вопрос: «Зарегистрированы ли вы по месту жительства?», получали существенно более низкие показатели.

Следующее, близость избирательного участка от места фактического проживания респондента существенно влияет на активность последнего. Если избиратель зарегистрирован по месту опроса, то в 67% случаев он голосует; если избиратель прописан в другом месте, он голосует только в 33% случаев.

Избирателю, голосующему не по месту жительства, не только нужно иметь более высокую мотивацию к голосованию, он в большей степени ограничен продолжительностью светового дня в день голосования. Оказывается люди, которые зарегистрированы не по месту опроса, голосуют в середине дня, утром и вечером, а количество их голосов в 2–3 раза ниже, чем у избирателей, которые живут рядом с местом голосования.

Много говорится и пишется о моделях, должных связать предполагаемое и реальное голосование. В качестве признаков голосования мы использовали пятичленную шкалу и посмотрели, как

реально люди голосуют. Неопределенно, поскольку проверить, голосовали ли респонденты, зарегистрированные не по месту опроса, или нет, мы не можем, но результаты их голосования ниже, чем у респондентов, которые голосуют по месту опроса. Люди, предполагающие, что они точно будут голосовать, голосуют в 6 случаях из 10, а респонденты, предполагающие, что они точно не будут голосовать, голосуют в 1 из 5 случаев. Детерминация реального голосования с высказанной готовностью в этих моделях гораздо выше. Например, Ослон пишет, что уверенные в том, что точно проголосуют, голосуют в 95% случаев. Задорин использует коэффициент 0,8 - коэффициент, на который умножают заявленное участие для прогнозирования реального голосования, на самом деле корреляция гораздо слабее. Наши данные получены в избирательных комиссиях.

Отчет о голосовании. Из пересечения результатов постэлекторального опроса с формальным официальным результатом выборов следует, что примерно каждый 11-й избиратель говорит неправду относительно своего участия в голосовании. 9% людей, которые после выборов сказали, что участвовали в голосовании, реально, по данным избиркомов, в голосовании не участвовали. Спасибо.

Ф.В. Очень интересные данные. Сейчас выступит Зарема Каукеновна Шаукенова, заместитель директора казахского Института стратегических исследований при президенте республики, директор Ассоциации социологов Казахстана. Она расскажет об опыте организации мониторинга электорального поведения населения в Казахстане.

**Шаукенова Зарема Каукеновна, заместитель директора
Казахского института стратегических исследований при Президенте
Республики, директор Ассоциации социологов Казахстана**

У Казахстана есть достаточно богатый опыт организации электоральных кампаний, в то же время в силу разности законодательства, разности опыта (мы сегодня слышали опыт молдаван, украинцев, россиян) каждая страна имеет свою специфику — культурную и традиционную. Если говорить о Казахстане, впервые в современном для наших стран понимании электоральная кампания началась президентской кампанией 1998 г., это были первые альтернативные выборы президента Назарбаева. Вторая кампания тоже большая — парламентские выборы 1999 г., вслед за президентскими. После этого — вторая президентская кампания. После парламентской кампании 1999 г. были очередные выборы в парламент, в 2004 г. Это были самые жаркие парламентские выборы, после них мы перешли к выборам по партийным спискам, поэтому кампания 2007 г., посвященная внеочередным парламентским выборам, была последней парламентской кампанией.

Из опыта Казахстана можно сказать, что у нас следуют одному принципу: выборы начинаются сразу же после выборов. Выборы заканчиваются, и власть понимает, что на следующем электоральном цикле надо закрепить полученный результат. Начиная с 1998 г. очень высокие рейтинги постоянно имеют президент и партия власти. В 2004 г. ее рейтинги составляли 37%, сегодня это главенствующая партия, единственная представленная в нашем парламенте. Одна из перманентных идей: председателем ОБСЕ не может быть страна с однопартийной системой власти. Но от фактов не скроешься.

Тема моего выступления — мониторинг электорального поведения, собственно говоря, социального самочувствия, социального настроения и всего того, что начинается сразу же после очередных или внеочередных выборов. То есть власть пытается учесть свои ошибки, сильные стороны, и проанализировать, что ей делать.

Благодаря организованному мониторингу, который делают социологи и делают очень неплохо, из 10 крупных компаний, работающих на рынке, все работают с нормальной репутацией, нормальным доверием. У нас нет реплик типа «Вы нас обманули», «Вы «черные», «красные» или «белые». Общество консолидировано в доверии к социологическим данным. Но отдельные проблемы, конечно, есть.

Некоторые структуры имеют экспертные площадки. Вчера прозвучала хорошая идея о буфере между СМИ и потребителями. И этот буфер — экспертное сообщество. В Казахстане сегодня создана хорошая диалоговая площадка, куда социологи выкладывают свои результаты. Туда могут прийти все компании со своими результатами. Власть пытается организовать это обсуждение с привлечением разного уровня экспертов. Потом появляются публикации в СМИ — от обсуждения, почему социологи ошибаются, до констатации, что все в стране спокойно и хорошо, а президент Назарбаев опять одержит оглушительную победу в 98% и т.д.

Это постоянный мониторинг того, что происходит в обществе, какие проблемы злободневные, как меняется динамика, если завтра выборы, за какую партию. Все эти корреляции высчитываются и становятся основой хорошей объемной информации. Затем эта информация попадает на стол главы государства. Сегодня власть в Казахстане имеет возможность работать с оппозицией на опережение. Мы знаем, что у них коррупция, есть проблема дольщиков, и сегодня партия власти оттягивает эти

проблемы на себя, а оппозиция опаздывает и становится инициатором этого всего.

Сейчас я имею возможность пользоваться свежей прессой, Центризбирком информирует о солидной явке избирателей. В 63 округах 13 регионов Казахстана состоялись выборы 6 депутатов областных, 5 городских, 52 депутатов по районам. Было выдвинуто 167 человек, по 2 человека на место. Явка составила 79,5%. И самое потрясающее, все 63 новых депутата являются членами НДП. Сейчас единственная интрига, которая происходит в Казахстане - состоятся досрочные выборы в парламент или нет, потому что по закону они у нас должны быть в 2012 г., а сейчас все обсуждают их перенос на 2011-й. Скорее всего, эти выборы состоятся, и мы к ним готовы.

Ф.В. Мы поняли, что плебисцитарная демократия уверенно шагает по планете. Слово Ивану Климову, заместителю декана социологического факультета Высшей школы экономики.

Климов Иван Александрович, заместитель декана факультета социологии ГУ-ВШЭ по магистратуре, старший научный сотрудник ИС РАН

Тезисы, которые я буду озвучивать, будут гипертрофировано жесткими. Их можно пытаться смягчить, оформлять всякими оговорками. Сначала тезисы. Первый: я считаю, что сегодня не существует таких инструментов, с помощью которых мы можем оценить те знания о социальном мире, которые мы получаем. Второй: качество аналитической

и исследовательской работы зависит не столько от когнитивных способностей людей, не столько от их компетенции, сколько от структуры ситуации, в которой они оказываются, от того, возможно ли провести с должной точностью, качеством и полнотой все необходимые подготовительные процедуры для организации исследования, аналитики и т.д.

Теперь о проблемах. Сейчас можно уверенно говорить о том, что за последние три года кризис так или иначе затронул все исследовательские центры, существующие на рынке социальных и политических исследований. В первую очередь изменились внешние условия деятельности. С одной стороны, это позитивные тенденции. Развивается институционализированность рынка исследовательских услуг, появляются слоты компетентных заказчиков, слоты, в отношении которых мы понимаем, что это наш клиент, появляются возможности переговорного процесса между исследователями и заказчиками на этапе подготовки решения об исследованиях, когда можно повлиять на постановку проблем, инструментарий и другие важные вещи.

Но есть два важных негативных тренда — сфера интересов заказчиков реальных и потенциальных. Если до кризиса ее можно было бы представить в виде слоеного пирога, где в центре сосредоточено необходимое, чуть пошире — это полезное, а еще шире — информация для общего развития, для кругозора, во время кризиса этот пирог схлопнулся до середины и даже меньше, это раз. Второе, изменилась структура запроса: она стала более жесткой, что заставило исследователей дисциплинироваться. Это хороший тренд. Возник запрос на лаконичность данных, на внятность, запрос на рекомендации - что с этими данными делать, что они означают. В то же время сократилось время, которое заказчик может уделить ознакомлению с материалами. С

другой стороны, возникла имитация аналитики, ее глубины, когда аналитику делают только для отчета, но ничего важного и полезного из него не вытаскивают.

Есть еще один тренд, хотя он проявляется нечасто. Это зависимость от незаинтересованного заказчика. Незаинтересованного в результатах исследований. Есть примеры того, когда заказчик, обладая значительными средствами, заказывает методически несостоятельное исследование, навязывая определенную логику и инструментарий. Исследование проводится, качество данных никого не интересует, просто потому, что на любых данных нужно построить уже известные интерпретации и концепции.

Соответственно, вторая проблемная область — это диссипация исследовательских программ, не разрушение, а распадение тех исследовательских программ, которые очень долго и педантично выстраивали исследовательские центры. У некоторых ситуация более благополучная, там удается сохранить костяк исследовательской программы, а где-то возникают очень большие проблемы. А что такое исследовательская программа? Это отрефлексированное соединение тематических приоритетов, пула методов и методических приемов, которые использует исследовательская организация, плюс внятные схемы, которые используются для анализа данных, плюс инновативные инициативные исследования, которые все время ставят неудобные для самих же исследователей вопросы и постепенно раздвигают эти границы.

И последнее: изменились концепции публичного присутствия исследовательских центров. Уже вчера говорили о том, что очень мало данных и большие проблемы работы с ними. Но, кроме всего прочего, это проблемы внутренней экспертизы тех исследовательских приемов и тех

интерпретаций, которые существуют, и внешняя экспертиза, когда мы предъявляем результаты исследования и вынуждены его защищать перед незаинтересованными коллегами.

Ф.В. Спасибо. А сейчас слово человеку, который работает вопреки всем сложностям исследований в национальных, многонациональных и непризнанных республиках, о которых сегодня говорил Евгений Михайленко, Сергею Романовичу Хайкину.

Хайкин Сергей Романович, Директор института социального маркетинга, профессор кафедры социально-экономических систем и социальной политики ГУ-ВШЭ

Я постараюсь привлечь ваше внимание к нечасто поднимаемой теме — использованию электоральных панелей. Это не наше изобретение, хотя и в мировой социологической практике для изучения электорального поведения панельные исследования проводятся нечасто. В Америке почти не существует такого опыта, в Голландии и в Германии есть, но он очень мал.

То, о чем я буду вам рассказывать, — не готовый результат, а скорее процесс. Учитывая реальную практику электронных опросов, существующую сейчас, панельное исследование в какой-то степени является выходом из того кризиса, в котором мы находимся. Зачем нужны альтернативные методы? В настоящее время опросы, которые мы проводим, не являются по-настоящему социологическими. В лучшем случае это некая статистика — социологические опросы проводятся и

проводились совсем по другим правилам. Когда мы проводим случайное социологическое исследование, оказывается, что в Москве всего от 17 до 23% людей действительно случайно отобраны. Все остальные — это легкодоступные единицы, которые оказались в нашей выборке в результате замены. Мы работаем с теми, до кого смогли достучаться. Московские подъезды закрыты, в элитные дома не проникнуть. Во всех городах-миллионниках ситуация недостижимости делает наши разговоры о репрезентативности бессмысленными. Второе, все те опросы, которые проводят наши крупнейшие компании, являются опросами квотными, а следовательно, ошибка выборки не считается. Там, где мы квотируем пол, возраст, образование, ошибка — ноль. Мы начинаем выкручиваться, когда появляется западный клиент, который не принимает квотных и требует случайных опросов. Но на этот счет придумали специальные фокусы, как это обойти. Случайные выборки с элементом целенаправленного отбора в таких-то и таких-то случаях — все это от лукавого.

Не стоит забывать о том, что во многих регионах страны, это необязательно национальные республики Северного Кавказа, проводить нормальные электоральные опросы невозможно. Если на ответы респондента влияют национальность или цвет волос интервьюера, это уже не опросы. Что прикажете делать в такой ситуации? А в России полно регионов, где администрации полностью контролируют население. Во время объединительных процессов мне приходилось проводить исследование в округах Бурятии — двинуться невозможно, я еще не появился, а уже всем известно, куда я иду, и что буду делать. Контроль стопроцентный.

Кроме того, нас не может устраивать та степень оперативности, которая существует.

Слава Богу, у премьер-министра и президента заоблачные рейтинги, и они отличаются от всего остального. А если игра начнется в пределах ошибки ВЦИОМ, 3%, а на самом деле $\pm 3\%$, на самом деле не поймешь ничего.

Стали думать, что делать в этих условиях. Один из возможных выходов для республик Северного Кавказа — проведение панельных опросов. Вместо повторных опросов опросы панельные. Это опрос тех же самых физических лиц. Мы стали этой работой заниматься в 2007 г., она еще не закончена. Как и другие методы, панельный имеет свои плюсы и минусы, но он точно поможет решить некоторые вопросы, не решаемые другими методами. Что, прежде всего, позволяет сделать панельное исследование? По-настоящему случайную выборку. В Москве базой для такой случайной выборки послужили списки избирателей, они в электронной форме есть. Мы ставили перед собой задачу сформировать две панели по 1000 человек. Из списков избирателей, а это миллионы человек, были сформированы несколько крупных подмассивов по 5000 человек. Потом мы их объединили со всеми мыслимыми телефонными базами и получили возможность выйти на этих людей. Но поскольку это были абсолютно случайные списки избирателей, нужно было понять, насколько они репрезентативны для того или иного населенного пункта. Очевидно, что здесь работает закон больших чисел. Пятитысячник, вырезанный из миллионника, оказался абсолютно точным, до десятков распределение по полу, возрасту, округам Москвы. Это было изумительно, но на этом прелести кончились. Пока мы получили только список, теперь наша задача заключалась в том, чтобы достичь, чтобы этих людей было не 20%, а больше. Поскольку работа над панелью заняла у нас 45 дней и мы могли не торопиться, мы достигли 80%, я считаю это успехом: не 20, а 80% случайно отобранных людей. И тут началось то, о чем говорил

Звоновский. Естественно, часть людей живет не по прописке. Мы попытались достучаться до каждого человека. Входили с ними в контакт, просили поучаствовать в исследовании, закрепляли индивидуального интервьюера. Представьте, интервьюер звонит в первый раз, он знакомится, представляется, получает согласие от человека на опрос. Когда мы начинали опросы, это было в 1987 г., всем было интересно (нам даже выпить предлагали), а теперь это всем надоело. Здесь заложена первая слабость панельных опросов: когда мы людям предлагали стать экспертами, они соглашались, потому что им интересно было быть выразителем чего-то. Удивительно, но в Москве мы попали на тот слой, на который невозможно выйти. Мы попали на элитные дома, на дома среднего класса, на чиновников, офицерство. В этой части было все хорошо. Дальше необходим программный продукт для панельных опросов. Потому что нельзя же всю часть паспорттики постоянно проговаривать. Какие-то основные вещи о человеке и его семье остаются в паспорттике. Мы сделали самопальный программный продукт, который нас совершенно не устраивает, но он позволяет идентифицировать человека. Дальше начались опросы. Поскольку мы сформировали две панели, старались не угнетать панелистов, но мы знали, что панель «усыхает», потому что люди «отпадают»: бабушки говорят, что ничего не изменилось в Москве с тех пор, как вы провели последний опрос. Оказалось, что за год панель мы заменили на 24%. Если будет интересно, я об опыте расскажу.

Хочу ваше внимание привлечь к возможностям такого рода исследований. Представьте себе, крупные заказчики — политические партии, государство, когда речь идет о думских выборах, они, прежде всего, думают о доверии к цифрам. Почему исследование в маленьком городе делает ВЦИОМ? Разве местные специалисты хуже? Только по одной простой причине: мы доверяем ВЦИОМу. Никогда Федоров или

Ослон не будут подделывать внаглую, а местные будут. И заказчики прекрасно знают, что все куплено, все продается, так лучше пусть это будет делать кто-то другой, но не местные подрядчики. В этих условиях, например на Северном Кавказе, очень перспективно построить настоящую случайную выборку, которая будет отвечать всем социологическим критериям, и потом ее эксплуатировать для получения оперативной информации. Опрос может проходить за 2–3 дня. Когда мы строили эти вопросы, мы рассчитывали, что это будет опрос «лицом к лицу». Вообще, для панельных опросов лучше задавать открытые вопросы, потому что люди в панели меняются. Мы обратили внимание на то, что панелисты за год стали больше читать, они стали больше обращаться к СМИ.

И в заключение еще раз подчеркну - когда речь идет о крупных городах с их недостижимостью, о других тяжелых для опроса городах, панель может нас выручить.

Ф. В. Александр Владимирович Иванченко, руководитель Российского центра обучения избирательным технологиям при Центральной избирательной комиссии Российской Федерации.

Иванченко Александр Владимирович, руководитель Российского центра обучения избирательным технологиям при Центральной избирательной комиссии Российской Федерации

Мы с Валерием сегодня пытались определить отправную точку современной электоральной социологии. Вспомнили, что первые выборы народных депутатов, которые проходили в марте 1990 г. уже

сопровождались социологическими замерами (Игорь Минтусов, Орешкин, Задорин). Я это говорю только для того, чтобы подчеркнуть: за 20 прошедших лет наша социология очень выросла, профессионализировалась, и то удовлетворение, которое я испытываю сегодня от общения с вами, это признание вашего профессионализма и наша готовность сотрудничать с вами.

Я не согласен с тем, что социология и выборы нужны только власти. Совсем не так. За 20 лет накоплено много примеров того, что и выборы, и социология, и эксперты вообще, специалисты-политологи, технологи нужны всем. Я поинтересовался, что пишут о проходящем сегодня мероприятии Федорова. Мне дали подборку из 10 источников. Дали и другую подборку: оказывается, и у эвакуаторщиков в Москве есть своя пиар-служба и своя социологическая служба; вот только дорог нет, и «пробки» огромные. Вбросы, информационные поводы, как мы их называем профессионально, с социологическими замерами — это определенные стимулы, которые ведущие специалисты страны должны позволять себе, они должны рисковать, и то, что вы до начала федерального цикла опубликовали прогноз, это здорово. Конечно, я видел оценки, которые лидеры партий дают этому социологическому опросу. Да, они критические. И все равно, я думаю, что вы делаете главное — стимулируете политические партии, не так активно и не так эффективно работающие в российском политическом пространстве, российской политической системе. Я искренне завидую английским коллегам, которые проводили социологические замеры еще во времена Крымской войны, но я думаю, что подобные замеры проводили и в России, и пресса отзывалась о них критически. Я думаю, мы боремся с общими проблемами, общими болезнями, ими болеют все политики и все политические системы. В России за последние 20 лет были и

«романтические» всплески, прорывы в оценках демократии, в начале 1990-х гг. Да, в последние 3–5 лет произошел определенный спад, но я не оцениваю судьбы демократии, выборов, социологии, политтехнологии в России пессимистично. Интерес переместился в другие ниши. Даже тезис о том, что конкурентная модель выборов демократии уходит, и на смену ей приходит новая форма — плебисцитарная логика. Просто замеры, оценки, опросы показывают, что каждый уровень выборов, муниципальной демократии требует замеров не только выборных процедур или референдумных голосований, но и оценки консультативных референдумов, требует замеров различных форм политического участия граждан в работе с властью.

На мой взгляд, намечается перегруппировка отношения избирателей к политическим партиям. Я лично, как профессионал, жду позитивных изменений, которые пройдут на политической сцене Российской Федерации. С этими выборами и российские организаторы выборов, и профессиональные социологи получают новый стимул для своего развития.

Мы учим организаторов выборов не бояться социологов. Мы говорим: «Вы — наши партнеры, и все 20 лет современной электоральной социологии мы работаем параллельно, вместе». Мы всячески рекомендуем не препятствовать социологам, политтехнологам в проведении опросов на выходе. Более того, я требую от своих сотрудников не стесняться проводить замеры.

Состоялось обнародование списков избирателей. Свежие списки избирателей делаются только на конкретную избирательную кампанию, поэтому я несколько критически оцениваю данные, собранные по «живым» спискам избирателей. С такими списками избирателей работают только организаторы выборов. Если они их аккумулировали, нужно опрашивать

людей, включены ли те в списки, как они оценивают работу организаторов выборов по подготовке стартового этапа избирательной кампании при составлении списков? Какую информацию они получили о кандидатах, выдвинутых региональными отделениями политических партий, насколько информативна работа региональных отделений политических партий, когда идет ознакомление с программами кандидатов, с персональными данными списочного состава? Вот что нужно замерять, и это будет самая «живая», самая оперативная социология, которая нужна организаторам выборов. Я искренне рад, что в вашей конференции участвуют представители региональных социологических структур — Тюмень, Самара. Я вспоминаю Мордовию, регион М. Они были победителями федерального конкурса социологических прогнозов по выборам Президента РФ. Это говорит о том, что социология держит высокие позиции в целом ряде регионов. Я призываю вас браться за социологические исследования, связанные с программой технического переоснащения российской избирательной системы. Владимир Евгеньевич Чуров уже говорил об этом. Но пока это локальные эксперименты — Тула, Новомосковск, Рязань, где мы точно опробуем новые формы голосования — это кеги, каибы. Каждое техническое устройство требует точечного замера: «Что людям нравится больше — кег, каиб, микс или бумажное голосование?».

Я искренне рад, что принял участие в вашей конференции, и надеюсь, что мы будем сотрудничать в региональных и муниципальных избирательных кампаниях. И... готовьтесь к федеральному циклу. Я думаю, что все потенциальные участники социологического рынка могут рассчитывать на сотрудничество с Центризбиркомом, избирательными комиссиями субъектов федерации. Мне хотелось бы, чтобы итоги вашей конференции были направлены в комиссии субъектов федерации, еще раз

акцентировав внимание на сотрудничестве организаторов выборов и социологов. Спасибо.

Ф.В. Спасибо за добрые слова, за предложение, и ту роль, которую сыграла Центральная избирательная комиссия в работе нашей конференции. Я напомним, вчера на круглом столе присутствовал член ЦИК Игорь Борисов, сегодня — председатель ЦИК Владимир Чуров, руководитель РЦОИТ при ЦИК России Александр Иванченко.

Спасибо всем.